

Светлана ВАСИЛЬЕВА

Освобождение Одессы

ФРАГМЕНТ ИЗ КНИГИ ВОСПОМИНАНИЙ

Проснулась часа в четыре утра. Тишина. Ни взрывов, ни звуков отдалённого боя. Зловещая неизвестность и тишина. Несколько всадников появились на нашей улице. Это были пантически бегущие немцы. Они хотели спрятаться в каком-нибудь доме. Лихорадочно стучали в наши ворота. Им не открыли. Постучали в соседний дом. Там тоже не открыли. Они промчались на конях дальше в сторону моря. И опять гнетущая тишина.

Около меня крутились две дочки дворника — предлагали поест, выпить воды. Но я от всего отказывалась. Две девушки — шестнадцати и восемнадцатилетние. Старшая — Тамара, некрасивая, курносенькая, круглолицая, добрая и спокойная, какая-то уютная. Младшая — Женя, очень красивая, нервная, слегка колючая. Я любовалась ею: чётко очерченными разрезом глаз, тонкими, как струночка, бровями, точёным носом, красивым ртом. Следила за ней, не открывая взгляда, забыв о том, что происходит вокруг. Между тем стало светло. Шесть часов утра.

Что происходит в городе, никто не знал. Всю ночь пылавший по соседству дом, подожжённый немцами, давно догорел. Жильцы нашего дома скопились в подвезде. Никто не знал, следует ли открывать ворота. Неизвестность томилась. Стали выглядывать через окошко в воротах. На улице ни души. Приоткрыли чуть-чуть ворота. Я, конечно, высунула голову: любопытство одолевало.

Увидела довольно забавную картину. Из ворот противоположных домов, доступных взору, высунув головы (только головы), на нас смотрели испуганные люди. Они не решались выйти из ворот. Мы выглядели, по-видимому, так же, как и они, как многие другие в соседних домах. Прошла минута, другая... Но вот какая-то женщина, не выдержав, выскочила из ворот, выбежала на середину мостовой, увидела идущих по улице Канатной военных и заорала во всё горло:

— Так это же наши! Н а ш и! Н а ш и!

Её крик разрушил напряжённое молчание. Сразу же ворота домов широко распахнулись, и людская волна хлынула на улицу. Все в сильном волнении побежали к Канатной. Впереди всех — мальчишки, и я с ними.

По мостовой тихим, медленным, усталым шагом шли наши войска. Молодые невысокого роста солдаты, только что вышедшие из боя, с оружием в руках, в грязных плащ-палатках, в запылённых касках и заляпанных грязью сапогах.

Наши, советские, русские, дорогие сердцу ребята. В другой, ещё неизвестной нам военной форме. Они широко улыбались на радостные приветствия. Одна баба вышла навстречу воинам с ведром вина. Она черпала вино кружкой, передавала её солдатам. Те, отпив вино, передавали кружку соседу и возвращали пустую бабе. Она в радостном возбуждении торпливо черпала вино и вновь передавала его идущим солдатам, приговаривая:

— Мальчики, мои дорогие, родные, как мы рады, что вы здесь! Пейте, пейте, я ещё принесу.

Солдаты, пригубив вино, молча благодарно улыбались и шли дальше свободным строем. Люди толпились по обе стороны мостовой. Мальчишки вышагивали в такт рядом, иногда пытаясь взять солдата за руку.

— Смотрите, среди них казахи или киргизы с раскосыми глазами, — говорил кто-то. — А мы думали — калмыки.

— Может, и калмыки. Только другие — советские.

На углу улицы остановился всадник в плащ-палатке. Спрыгнул с коня, сдвинул набок плащ. Я увидела на его плечах погоню, а на груди орден. Это был очень молодой человек, лет семнадцати, не более. Простое круглое лицо его с курносом носом светилось радостью. Он постоял рядом с конём, похлопывая коня ладонью, посмотрел на идущих солдат, вскочил на коня и поскакал вперёд к Куликовому полю.

Войска только вошли в город. Ещё не на всех улицах поняли, что город взят нашими доблестными войсками, ещё не все улицы очищены от немцев. Но у нас сообразилось ощущение, что в городе уже нет ни одного немца. Мы бежали, орали, размахивали руками. Всё это от избытка чувств, энергии и счастья, что живы, что спасены.

Я прислушалась к говору людей, скопившихся на тротуаре. Они делились переживаниями прошедшей ночи. И, как обычно бывает после сильного нервного перенапряжения, смеивались, вспоминая, как им теперь казалось, смешные моменты.

— Когда немцы подошли дом, моя бабуля не поняла, что весь дом горит. Говорит: "Подожду, когда потушат". "Кто потушит?" — спрашиваю, — немцы?" Еле спустила её с окна второго этажа. Жопка большая, вернуться не может, тяжёлая. Спасибо, дворник подставил лестницу, помог. А она о вещах. Видите ли, забыли какую-то картину... Выбрались с горем пополам

во двор. О вещах не думали. Лишь бы детей и стариков спасти.

— Несколько человек выпрыгнули из окна.

— Разбились?

— Да. Убились!

— Пробили забор нашего двора, вышли в соседний двор дома, который на параллельной улице Успенской. Остались во дворе на ночь. Замёрзли, как собаки. Там большой двор — пустырь. На улицу не выходили: боялись, думали, тут нас всех и прирежут калмыки.

— А у нас одна девка забеременела от немца, — включилась в разговор дворничиха с Канатной. — Стала она смотреть, как пылают ярким пламенем дом. От испуга начала рожать. Что делать? Никакой помощи нет. Пришлось соседу принимать роды. Так намазались, что не заметили, как наши пришли.

— Кто родился? — включился чей-то любопытный голос.

— Мальчик! Полурусский, полунемец, но всё же дитё.

— А в нашем доме у одной гулящей девки только что в постели нашли двух пьяных немцев. Соседи сказали военным. Они их увели, чтобы расстрелять подалеже.

Больше не стала слушать разговоры, побежала домой. Папа суетился на кухне, старался что-либо приготовить. На примусе уже кипел наш большой медный чайник.

В дверь постучали. Открываю. Предо мной стоит белообрый парень. В руках его автомат, на груди накрест две пулёмётные ленты. Лицо сияет.

— Где мама? — спрашивает он.

— Чья мама? — спрашиваю его сердито.

— Моя мама! — уверенно отвечает парень. — Я — Якуб Ян, партизан, — говорит он с нерусским акцентом. — Меня спасла твоя мама. Теперь она и моя мама: подарила мне жизнь. Где она?

— Она в клинике, — сказала я наугад. Догадалась, что это чех, которому мама оказывала помощь в катакомбах.

— Передай ей, что был её сын Якуб, помнит всю жизнь! — и побежал.

Дома мамы не было. Я сказала, что она в клинике. А где же ещё она может быть? Однако вспомнила, что сразу же после того, как мы узнали, что пришли наши, часов в шесть утра мама побежала к тётке Наташе, у которой последние дни находилась Ася. Всё ли там в порядке? Живы ли? Сейчас уже 11 часов, а мамы нет. И об Асе никаких известий нет.

Побежала к тётке Наташе. На углу Канатной и Малой Арнаутской встретила маму. Она шла из хирургического отделения, куда накануне доставила со своей бригадой раненого. Хотела проверить, жив ли, каково его состояние. С Асей благополучно. Это всё, что я могла узнать от неё в тот момент.

За ней увязалась какая-то тётка, которая надевала себе на плечо санитарную сумку, изображая медсестру. Она пристала к маме, зная, что мама врач. Чем она занималась при оккупации — неизвестно. Но сейчас она стремилась продемонстрировать активность. Говорила, что в дом на Полицейской улице попала бомба, что надо оказать помощь. Пришлось маме идти на Полицейскую, я увязалась за ней.

В дом номер один действительно ночью попала небольшая бомба или снаряд. Погиб мужчина, отец двух детей. Тело его лежало на досчатом столе, за которым обычно во дворе играют в домино. Молодая женщина с маленьким ребёнком на руках оплакивала его, рядом крутилась девочка постарше.

Нас повели в подвальное помещение, где находилась раненая женщина. Я её увидела при свете свечи, испуганную, плачущую. Мама осмотрела её. Сказала, что у неё психотравма, лёгкие царапины на коже, серьёзных повреждений нет. Приспособила к ней привязавшуюся так называемую медсестру, и мы направились домой.

Не заходя домой, я решила всё же привести домой Асенику. Асю я нашла здоровой, невредимой. Ночью она беззаботно спала. Жильцов дома тётки Наташи никто не беспокоил.

Теперь можно было всем вместе передохнуть. Особенно в отдышке нуждалась мама. Оказалось, что ей пришлось пережить немало потрясений сегодня утром. Я попросила рассказать об этом. Мама прилегла на кровать, я уехала рядом, стала слушать. Узнала следующее.

После того как я рассталась с мамой вчера за полчаса до запретного времени, раненого донесли до хирургической клиники к трём часам. Раненым, оказывается, был лётчик, Герой Советского Союза. Его выкупили у румын. Документы лётчика и звезду Героя мама спрятала у себя на груди. Военную одежду бросили в урну, одели в простые брюки и рубашку. Он нуждался в нейрохирургической операции. Поэтому решили не оставлять его в стоматологичес-

кой поликлинике, а по возможности срочно доставить в хирургическое отделение, в котором дежурил в это время мамин коллега доктор Середничий.

Не приходя в сознание, "рабочий, упавший с крыши", стал кричать: "За Родину, за Сталина! Бей гадов!" Он ощущал себя ещё в бою. Это представляло опасность. Персонал всё слышал. Могли выдать. В то, что перед ними обычный кровельщик, уже никто не верил. После того как лётчика усыпили, мама отдала его документы и звезду Героя доктору Середничьему. При этом даже не запомнила фамилию и имя лётчика (она вообще плохо запомнила фамилии). Главное — это до трёх часов попасть домой. Между тем уже пошёл четвёртый час. Жизнь её продолжала оставаться в опасности, но она об этом не думала. Невзирая ни на что, благополучно, никого не встретив, пришла домой. Всё это было накануне.

Утром десятого апреля мама, как я уже упоминала, поспешила к тётке Наташе: хотела как можно скорее узнать, всё ли у них в порядке, увидеть свою маленькую Асенику живой и невредимой.

После того как она убедилась в том, что все живы и здоровы, она направилась в хирургию, где накануне оставила раненого лётчика. По дороге произошло неожиданное. Оказывается, мама, желая узнать, что с Асей, пошла на улицу Гимназическую, опережив наши войска, которые шли по улице Канатной.

В здании бывшего сельскохозяйственного института засели немцы. Боковая часть этого здания, как известно, выходит на улицу Гимназическую, а из заднего флигеля этого дома открывается вид на Куликово поле. Чтобы попасть в хирургию, необходимо было перейти улицу Тельмана (Итальянский бульвар), сократить путь, пройти через кустарник Куликовского поля и выйти на Канатную, по которой уже шли наши войска. Находясь между зданием сельскохозяйственного института и Куликовим полем, она попала в центр перестрелки между немцами, засевшими в здании, и пулёмётной командой наших, стремившихся выбить немцев из здания. Оказавшись на открытом пространстве, мама побежала в сторону пулёмёта, к кустарнику.

Немцы дали очередь из автомата — ранили пулёмётчика. Мама взвалила раненого на спину и потащила тяжёлую ношу в больницу, сказав солдатам, где его найти. Стрельба продолжалась. Войска только-только подошли к Пироговской. Увидев маму, несущую на своей спине раненого солдата, несколько бойцов помогли донести его до хирургического отделения.

Тем временем здание сельскохозяйственного института освободили от немцев. Товарищи раненого притащили немца, который ранил их командира. Они ворвались в палату с требованием, чтобы раненый лейтенант сам застрелил испуганного немца. Но их командир умирал. Усилия врачей, стремящихся спасти его, из-за тяжести ранения оказались напрасными. Его бойцы вывели немца во двор и расстреляли.

После случившегося мама пошла домой. На Канатной встретила меня. О том, как к нам привязалась новоявленная сестра и потащила нас на улицу Полицейскую (Булнина), я рассказала выше.

Забегая вперёд, скажу, что спасённый мамой лётчик, Герой Советского Союза, пришёл в сознание, выжил и спустя некоторое время вновь стал летать. От него мама получила несколько писем. В последнем он писал, что участвует в боях за Варшаву. В письме он называл мою маму своей мамой. К сожалению, фамилии и имени его я не запомнила, а письма не сохранились. Мама в своём поступке ничего героического не видела. Никому из официальных лиц об этом случае не рассказывала. А вот доктор Середничий, не упоминая маму, рассказал, как он спас лётчика. За этот героический поступок его наградили орденом Красного Знамени. Об этом через много лет он сообщил маме в письме, которое я читала.

Однако продолжу, потому что события, происшедшие десятого апреля, ещё не кончились. Не прошло и часа после маминого рассказа о том, что произошло с ней утром, как к нам постучали. Я пошла открывать дверь. На пороге стоял высокий стройный военный, майор медицинской службы. Он приехал к маме.

— Нина Григорьевна, — сказал майор, — нам нужна ваша помощь. Наш генерал уже четвертые сутки страдает от зубной боли. Зуб вызвал нагноение, развился отёк лица. Я не специалист. Поехал в стоматологический институт за помощью. Там сказали, что помочь можете только вы. Дали ваш адрес. И вот я перед вами. Помогите!

— Где же ваш больной? — спросила мама.

— На линии фронта, — ответил майор. — Отлучиться никак не может, — добавил он, помол-

чав. — Я прошу вас поехать со мной. Это недалеко. Наши войска остановились на лимане. Генерал дал в ваше распоряжение машину.

Уточнив некоторые медицинские детали, мама взяла необходимый инструмент и собралась было идти, как к ней подошла Ася. Она взяла маму за руку и в свойственной ей требовательной манере заявила: "Я с тобой!" Мама беспомощно посмотрела на майора:

— Девочка меня не видела более недели.

— Берите её с собой, — понимающе сказал майор. — Сейчас на линии фронта спокойно. В ближайшее время боёв не будет. Пусть едет.

Они ушли. Я осталась ждать. Эйфория охватила всех, в том числе меня. Ничего опасного в поездке на фронт ни я, ни папа не видели.

Вышла на балкон. Вечерело. Ещё утром я была в зимнем пальто. А сейчас резко потеплело. Тихий весенний вечер. В глубине высокого неба появляются маленькие звёздочки. Будто не было взрывов, стрельбы, пожаров, канонады боя. Напротив нашего дома — посиделки жильцов с солдатами. Негромкий задушевный разговор, прерываемый пением вполголоса советских любимых песен.

В квартире нашей не убрано. Вылетевшие из окон стёкла валяются на полу. Пыль на мебели, книгах... Но это не раздражает, не печалит. Настороение спокойное, светлое. Тепло на улице, тепло в квартире, тепло и умиротворённо в душе.

Занялась уборкой. Быстро стало темнеть. Мамы и Аси не было. Вроде не волновалось, но постепенно тревога стала настойчиво в меня проникать. Уже двенадцать, а их всё нет.

Появились в час ночи. Первой вошла мама. За ней майор нёс на руках спящую Асю. Взмывались на четвёртый этаж с трудом: мама — от усталости, майор — от тяжёлой ноши. Асю уложили в постель. Майору предложили переночевать у нас. Он отказался. Сказал, что будет спать в машине.

Утром высунула мамин рассказ. Передаю его содержание.

Ехали на лиман (какой лиман, мама не знала) довольно спокойно. Дорога длинная. Видны следы недавнего боя: павшие лошади, разбитые снарядом телеги, воронки от взрывов, брошенное оружие — пушки, пулёмёты... трупы. Военская часть располагалась на берегу лимана, в чистых свежеевыбеленных хатках. Асю оставили на попечение военных женщин в одной из хаток. Её угощали трофейным шоколадом и печеньем. Она всё это с жадностью ела. Тем временем мама оказывала помощь генералу. Как я имела возможность убедиться позже, это был генерал И.А. Плиев.

Пришлось удалить больные зубы, вскрыть абсцесс, провести дополнительные лечебные мероприятия. Генерал всё переносил терпеливо, полностью подчинился требованиям врача. Оказался он очень симпатичным, жизнерадостным, приветливым человеком. Мама взяла с него слово, что он, когда позволит ситуация на фронте, найдёт время посетить в Одессе медучреждение, потому что надо продолжить лечение. Это была оказана главная, но первая помощь. Все необходимые рекомендации по лечению были даны майору и адъютанту генерала — молодой симпатичной женщине.

Майор с мамой и Асей отправились в обратный путь вечером. Стемнело. Дороги в город шофёр не знал. Мама — тем более. Ехали по вспаханному войной полю, по ухабам, мимо мёртвых лошадей. Разбитых орудий. Поле, степь, и ни зги не видно.

Ася укуталась в закрытом легковом автомобиле. Её стало тошнить (много съела шоколада), возможно, в машину попали выхлопные газы. В обморочном бессознательном состоянии мама вынесла её из остановившейся машины на воздух. Стала делать искусственное дыхание, приводить к жизни. Думала, что потеряет ребёнка. В это время над ними появился вражеский самолёт-разведчик. Прижались к одинокому тонкому дереву, казалось, что лётчик их может заметить. Теперь, когда все переживания остались позади, возник страх за жизнь ребёнка, за свою жизнь. Долго ещё блуждали они по полю недавнего боя в поисках дороги. Всё же нашли. И вот благополучно вернулись. Маленькая Ася тоже кое-что помнила и уточнила мамин рассказ, вспомнив о белых хатках и о шоколаде.

На этом закончился, казалось, бесконечно длившийся день 10 апреля, день освобождения Одессы от немецко-румынских захватчиков, от фашистов. Но война ещё продолжалась. Окончание её наступит только через год и двадцать девять дней. Пока мы праздновали конец оккупации.

Праздничные фейерверки, ракеты освещали улицы. Стрельба в небо из автоматов и ружей. Яркие одежды женщин. Гуляние по улицам до глубокой ночи. Всё это продолжалось в течение недели...